

Peter Trudgill. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity.* Oxford: Oxford University Press, 2011 (reprinted 2012). 236 p.

Питер Традгилл (р. 1943) — одно из самых известных имен в социолингвистике. Он родился в Норидже, в Англии, получил магистра в Кембридже (King's College) и степень доктора в Эдинбургском университете, преподавал во многих британских и европейских университетах.

Серьезный специалист-диалектолог, Традгилл был первым, кто применил и развил социолингвистические методики, разработанные Уильямом Лабовом, к исследованию английских социальных диалектов: его первая книга [Trudgill 1974], в основу которой легла его диссертация, до сих пор является образцом применения этого метода. Основная масса его публикаций — об английской диалектологии.

Рецензируемая книга в каком-то смысле объединяет и суммирует диалектологические и социолингвистические изыскания автора. В книге много лингвистики, довольно специальной. Ее адресат ясен — это лингвисты. Те, кто занимается языковыми контактами, должны прочесть эту книгу, потому что там много интересных соображений о креольских языках и креолоидах, а также много любопытных языковых примеров и их анализа. Те, кто занимается германской диалектологией, тем более должны ее прочитать: там опять же много примеров и остроумных соображений об истории германских языков, в частности — о причинах

«упрощения» английского языка (Традгилл высказывает интересные соображения в рамках старой дискуссии о том, контакт с какими группами в этом «повинен» — с кельтами или с викингами). Одна из самых привлекательных черт книги, превращающая чтение из работы в удовольствие, — это разбросанные по тексту отступления, экскурсы, многочисленные примеры из самых разных языков, с остроумным и тонким анализом.

Однако большинству читателей «Антропологического форума» эти лингвистические тонкости вряд ли интересны, поэтому я в этой рецензии обойду все лингвистические подробности молчанием и сосредоточусь на других аспектах книги. Надеюсь, что по ходу изложения станет понятно, почему эта книга показалась мне интересной не только для узких специалистов.

Традгилл начинает книгу утверждением, заставляющим читателя насторожиться и вспомнить конец 1920-х гг. и пресловутую «яфетическую теорию»: «Распределение языковых черт по языкам, возможно, не окажется полностью случайным, если взглянуть на них с точки зрения общества» (Р. xv). Не дав читателю как следует испугаться, автор тут же оговаривается, что этот вопрос далеко не нов и что это подход, к которому лингвисты (с полным на то основанием) всегда относились с большим подозрением, поскольку он связан с «ошибочным представлением о существовании примитивных языков и примитивных обществ». Однако, пишет Традгилл не без иронии, профессиональные лингвисты в течение многих десятков лет убеждали друг друга, что не существует никаких примитивных языков, и сегодня полностью единодушны в этом вопросе. Так, может быть, теперь уже позволительно вернуться к печатному обсуждению других аспектов этого вопроса без риска вызвать соответствующие подозрения?

Одним из таких аспектов, по мнению Традгилла, является вопрос о сравнительной сложности языков и языковых подсистем, который не так прост, как принято считать. Еще Хокетт [1958: 180–181] писал, что «общая грамматическая сложность любого языка, если считать вместе морфологию и синтаксис, примерно равна сложности любого другого». Однако, пишет Традгилл, современная лингвистика начинает сомневаться в абсолютности этого утверждения: если мы признаём существование в истории языка такого явления, как упрощение, то отсюда неизбежно следует, что до упрощения язык был структурно сложнее, чем после, а если некоторые языки в разные периоды своей истории могут быть проще или сложнее, это значит, что на синхронном уровне некоторые языки могут оказаться сложнее других (Р. 15–16). «Конечно, это своего рода

традиция среди лингвистов в разговоре с не лингвистами подчеркивать, что “все языки одинаково сложны”. Однако очевидно, что это — пропагандистский прием, направленный против распространенной в нашем обществе идеи, что “некоторые языки или диалекты примитивны или неразвиты”. <...> На самом деле многие из нас готовы, по крайней мере среди своих, признать, что это [утверждение “все языки одинаково сложны”. — *Н.В.*] неверно» (Р. 16).

Если так, т.е. если существуют более сложные и менее сложные языковые системы, то как можно определить сложность и объяснить усложнение? Собственно, ответу на этот вопрос и посвящена рецензируемая книга.

Определения сложности автор не дает, вместо этого он приводит многочисленные примеры более сложных систем; из примеров становится ясно, что его «сложность» прежде всего означает сложность обработки речи для слушающего [Heath 2012: 406]: очень громоздкие или, наоборот, очень небольшие системы фонем; морфологическая нерегулярность; громоздкие парадигмы; семантическая непрозрачность и т.п. В своей книге Традгилл пользуется понятием «зрелых языковых черт» (mature language features), введенным Остином Далем: это такие грамматические черты, которые развивались в языке в течение длительного периода времени. Цитата из Даля: «Языковые явления обладают жизненным циклом в том смысле, что они проходят через ряд последовательных стадий развития, и в ходе этого они “созревают”, то есть приобретают характеристики, которые иначе были бы невозможны» [Dahl 2004: 2]. Развитие некоторых языковых характеристик требует очень длительных периодов времени. Книга изобилует убедительными примерами этих «зрелых черт» и сложных (под)систем, на которых я здесь останавливаться не буду.

Значительно интереснее вопрос о том, откуда берется сложность. Традгилл ищет объяснение языковой сложности в социальных факторах, и прежде всего — в интенсивности и типе языковых контактов. Контакты — и это общеизвестно — влияют на скорость и интенсивность языковых изменений: наличие контактов ускоряет изменения. Однако Традгилл идет дальше и задается вопросом о том, в какой мере контакт может быть связан с наличием или отсутствием в языке тех или иных структурных черт (Р. 15). Он рассматривает два противоположных процесса: упрощение и усложнение языковых систем.

Упрощение включает как минимум три аспекта (Р. 20): (1) выравнивание нерегулярностей; (2) увеличение лексической и морфологической прозрачности, т.е. соответствия между планом содержания и планом выражения грамматической

категории или семантического значения¹; (3) утрата избыточности, как синтагматической (повтор информации), так и парадигматической (синтетическое выражение грамматических категорий).

Упрощение, далее, тесно связано с языковыми контактами: чем больше и интенсивнее контакты между языками, тем больше степень упрощения систем в очерченном выше смысле.

Усложнение языковой системы парадоксальным образом тоже связано с языковыми контактами: многие типологи утверждают, что в ситуации языкового контакта нередки случаи, когда язык заимствует из соседнего те или иные черты *в дополнение* к тем, которые у него уже есть (Р. 27). Мы, таким образом, имеем дело с загадкой: неверно говорить, что контакт порождает либо упрощение, либо усложнение: ясно, что он порождает и то, и другое. Нужно, следовательно, определить те условия, при которых контакт ведет к упрощению, и те, при которых он же ведет к усложнению.

Ответ, по мнению автора, — в характере освоения языка: *упрощение* возникает там, где контакт кратковременный и второй язык усваивают взрослые (крайний случай — пиджины), *усложнение* — там, где контакт стабильный, долговременный и второй язык усваивают дети (крайний случай — Балканы) (Р. 31–34). Упрощение при языковом контакте возникает потому, что язык осваивается взрослыми *после критического возрастного порога*; отметим, что такой тип языкового контакта в современном мире доминирует. Речевые сообщества, которые часто общаются с другими сообществами (что предполагает освоение языка (или диалекта) взрослыми), склонны порождать более простые языковые формы: движение от синтетизма к аналитизму, редукция морфологических категорий, редукция грамматического согласования, увеличение регулярности и семантической прозрачности. Все это обеспечивает более легкое освоение языка взрослыми. Напротив, при более длительном и постоянном контакте, предполагающем долговременное соседство разных речевых сообществ, включая детей, которые выучивают два или более языка на очень хорошем уровне, языковые системы имеют тенденцию к усложнению. Это приводит к возникновению языковых союзов (Р. 41–42).

¹ Языковая форма обладает тем большей *семантической прозрачностью*, чем больше однозначное соответствие между единицами плана содержания и единицами плана выражения. Так, считается, что аналитические формы (типа *буду читать*) более прозрачны, чем синтетические (типа *почитаю* или *прочитаю*); однозначные падежные значения прозрачнее многозначных; названия птиц типа *каменушка* прозрачнее, чем типа *селезень*; сочетание *two times* более прозрачно, чем *twice*; сочетание *not often* — более прозрачно, чем *seldom*, и т.п.

Традгилл оговаривается, что предложенная дихотомия типов языкового контакта, которые порождают противоположные следствия, не охватывает всех возможных ситуаций, потому что (1) один тип контакта может хронологически сменяться другим в одной и той же местности; (2) один тип контакта может хронологически накладываться на второй, и здесь важна пропорция носителей разного возраста; (3) степень контакта может значительно различаться в разных ситуациях; (4) термины «долгосрочный» и «краткосрочный» довольно неопределенны; (5) важны и лингвистические факторы — например, степень родства языков.

Усложнение характеризуется следующими чертами: (1) рост иррегулярности; (2) рост семантической непрозрачности; (3) рост синтагматической избыточности; (4) появление новых морфологических категорий.

Из них в контактных ситуациях обычно наблюдается только последнее: появление новых морфологических категорий, т.е. *дополняющее заимствование*. Остальные черты усложнения — не только сохранение сложности, но и ее увеличение — наблюдаются в ситуации, когда язык существует изолированно или в ситуации низкого уровня контакта. Традгилл разбирает все четыре перечисленные выше черты (Р. 66 f.) на материале традиционных vs. контактных английских и скандинавских диалектов и демонстрирует (Р. 88), что *все имеющиеся примеры усложнения разных типов обнаруживаются только в относительно изолированных языках* (северный фризский, фарерский, изолированные говоры английского, немецкого, датского и норвежского) и *ни один из них не зафиксирован в стандартных, городских или колониальных вариантах* — т.е. в ситуациях интенсивного контакта.

Следовательно, кратковременный контакт взрослых говорящих ведет к упрощению; долговременный контакт ведет к дополняющему усложнению; изоляция ведет к спонтанному усложнению.

Усложнение вероятно (хотя и не обязательно происходит), если в наличии следующие признаки сообщества: (1) низкий уровень языковых контактов взрослых; (2) высокая социальная стабильность; (3) небольшой размер сообщества; (4) тесные социальные сети; (5) большое количество информации, разделяемой всем сообществом (Р. 146).

Эти обстоятельства имеют важные следствия в области социолингвистической типологии: так называемая «тенденция к аналитизму», хорошо известная со времен Шлегеля, т.е. превращение синтетических языков в аналитические, большин-

ством лингвистов воспринимается как «норма», потому что с этими процессами они знакомы на материале многих европейских языков (эта тенденция хорошо видна, если сопоставить немецкий с древневерхненемецким, английский с древнеанглийским, французский с латынью, болгарский с церковно-славянским и т.п.). Поэтому, пишет Традгилл, мы считаем упрощение (утрату или сокращение сложных склонений и спряжений; утрату двойственного числа; вообще — уменьшение морфологической сложности) естественным процессом. Однако логически упрощение не может быть единственной нормой: если бы оно было нормой, все языки мира уже давно были бы высоко регулярны и семантически совершенно прозрачны. Скорее уж, пишет Традгилл, нормой является усложнение: если бы языки «оставили в покое» (т.е. оставили в бесконтактной ситуации), естественная тенденция их развития состояла бы в усложнении (Р. 152).

Традгилл цитирует здесь работу [Bailey 1982]: «Что нормально для изоляции — не нормально для контакта» (Р. 152). Смущают термины, введенные Бейли: тот называет естественными (*connatural*) изменениями те, которые происходят в языковой системе самопроизвольно, и неестественными (*abnatural*) — изменения, которые «происходят в результате контакта с другими системами». Бейли тем самым «подчеркивает, что нормальным состоянием языка является высокая сложность, которую европейские лингвисты обычно связывают с “экзотическими” языками, а умеренная сложность языков вроде английского и французского — и, конечно, креольских языков — представляет собой социально-историческую аномалию» [McWhorter 2012: 45].

Кажется, что этот подход (считать отсутствие контакта и, следовательно, усложнение языковой системы нормой, а его наличие и, следовательно, упрощение системы — аномалией) входит в противоречие с тем обстоятельством, что в масштабах Земли дву- и многоязычие все-таки статистически преобладает [Austerlitz 1982: 56; Crystal 1997: 14], а значит, и количество человеческих сообществ, живущих в ситуации постоянно языкового контакта, больше, чем количество сообществ, живущих в языковом отношении изолированно. Иначе говоря, по крайней мере статистической нормой является как раз наличие контакта. Однако Традгилл выходит из положения путем следующего рассуждения (Р. 167 f.).

Принцип униформизма (*uniformitarian principle*) подсказывает нам, что мы можем представить себе события прошлого на основании наших знаний о событиях настоящего. Однако социолингвистическая типология показывает, что существует по

крайней мере одно очень важное измерение, в котором настоящее отнюдь не похоже на прошлое, а именно — демографические и, следовательно, информационные и коммуникативные изменения последних 500 лет. Стремительный рост населения и не менее стремительный рост мобильности привели к тому, что все меньше и меньше остается языков, на которых говорят небольшие, изолированные, тесно спаянные сообщества. При этом Традгилл замечает, что примерно 95 % человеческой истории¹ приходится на неолитические и до-неолитические времена, когда мир был устроен совершенно не так, как он устроен сегодня, и языковой контакт типа «только взрослые» был далеко не так широко распространен, как в последние столетия.

Иначе говоря, текущий диахронический тренд — в направлении роста доли языков все менее и менее сложных. Не означает ли это, что в будущем у нас будет все меньше небольших сообществ, объединенных общим знанием (то, что Традгилл называет *communally shared information*), а значит — и все меньше и меньше языков, в которых существуют сложные, «зрелые» языковые подсистемы?

Конечно, лингвисты довольно скептически относятся к корреляциям между языковой и культурной сложностью. Традгилл цитирует известное высказывание Дерека Бикертонa: «Если бы существовала связь между языковой сложностью и культурной сложностью, мы ожидали бы, что в более сложных обществах были бы распространены более сложные языки, а в более простых обществах — более простые. <...> Ничего подобного мы не обнаруживаем» [Bickerton 1996]. Однако, возражает Традгилл, почему бы не рассмотреть обратное соотношение: некоторые аспекты языковой сложности более заметны как раз в более простых, а не в более сложных обществах (Р. 172).

В заключении к книге (Р. 182–184) Традгилл обращается к креольским языкам и показывает, что никаких «зрелых явлений» нет не только в них, но и в посткреолах: здесь не бывает ни эвиденциалиса, ни тройственного числа, ни развитых местоименных систем, ни сослагательных форм, ни переключения референции, ни постпозитивных определенных артиклей, ни других черт, которые Традгилл относит к «сложным». Отсутствие этих явлений в языках данного типа не может быть случайностью. Можно предположить, что креольские языки могли бы с течением времени — очень значительного времени! — развить эти черты, если бы их «оставили в покое», однако такой

¹ Традгилл считает самой ранней датой появления первых постнеолитических сообществ время порядка 5–6 тысяч лет назад, а примерную дату появления языка принимает за 100 тысяч лет.

сценарий развития выглядит все менее и менее вероятным. Другими словами, сложные («зрелые») явления могут со временем вовсе исчезнуть из языков мира.

В эпилоге (Р. 185–189) Традгилл суммирует уже сказанное и делает достаточно очевидное, вполне политкорректное, хотя и тривиальное заключение: так называемые «экзотические» языки, редкие и уникальные явления в языках мира следует изучать и документировать, пока они не исчезли вовсе.

Мы видим, что в этой книге Питер Традгилл ставит вопросы, чрезвычайно, на мой взгляд, важные далеко не только для лингвистики. Происходит ли в языках (и в человеческих сообществах) накопление изменений? Происходят ли в истории необратимые изменения? Двигается ли развитие языковых систем по кругу или линейно?

Связаны с этим и другие вопросы. Является ли «нормой» (что бы ни понималось под этим словом) изолированное существование человеческих языков и культур или «нормой» является их взаимодействие? Если действительно изоляция приводит к «усложнению» (где, кстати, предел этой сложности? Достигнет ли язык, полностью изолированный от внешних влияний, такого предела сложности, когда использование его для коммуникации станет затруднено или даже невозможно?), а контакт — к «упрощению», потере «зрелых элементов» языка (а в современном мире контактов, кажется, становится все больше), то нельзя ли применить эти соображения не только к языковым системам, но и к «культурам» (что бы ни понималось под этим словом)? Если контактные ситуации, в которых соседний язык осваивают дети, и те, в которых его усваивают взрослые, расходятся по своим последствиям для языка коренным образом, то что мы можем сказать о применимости этого подхода к человеческим сообществам?

На все эти вопросы у меня, естественно, ответа нет. Однако прочитать рецензируемую книгу я советую не только лингвистам: она заставляет по-новому посмотреть на многие, казалось бы, известные вещи. Она заставляет думать — и это, пожалуй, самый лучший комплимент, который можно высказать в адрес книги.

Библиография

- Austerlitz R.* Three Thoughts on Dr. Kreindler's Thoughts // *International Journal of American Linguistics*. 1982. Vol. 33. P. 13–56.
- Bailey C.-J.* On the *ing* and *yang* Nature of Language. Ann Arbor: Karoma, 1982.
- Bickerton D.* Language and Human Behaviour. L.: UCL Press, 1996.

- Crystal D.* English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Dahl Ö.* The Growth and Maintenance of Linguistics Complexity. Amsterdam: Benjamins, 2004.
- Heath J.* Review of: Peter Trudgill. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity // Anthropological Linguistics. Winter 2012. Vol. 54. No. 4. P. 404–407.
- Hockett C.* A Course in Modern Linguistics. N.Y.: Macmillan, 1958.
- McWhorter J.H.* Review of: Peter Trudgill. Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity, Oxford: Oxford University Press. 2011 // Revista de Crioulos de Base Lexical Portuguesa e Espanhola. 2012. Vol. 3. P. 45–48.
- Trudgill P.* The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. (Cambridge Studies in Linguistics, No. 13).

Николай Вахтин